

"Не бойся смерти и разлуки ..."

(Вступительная статья к книге Г. Чулкова "Тайная свобода")

В первые два десятилетия XX века имя Георгия Ивановича Чулкова (1879-1939) появлялось на страницах периодических изданий с завидной регулярностью. Поэт, критик, прозаик, активнейший деятель символизма, он был широко известен читателям. Не обладая выдающимся талантом, отличавшим его собратьев по символизму - А.Блока, В.Иванова, Андрея Белого, Чулков тем не менее играл весьма заметную роль в литературном процессе своего времени, оказываясь неизменным участником литературных и окололитературных событий. Он и посетитель знаменитой ивановской "Башни", и создатель пресловутой теории мистического анархизма, и постоянный спутник Блока в его блужданиях по петербургским кабакам в снежные ночи 1907 года, и незадачливый возлюбленный Любови Дмитриевны Менделеевой (этот треугольник, а считая Н. Волохову, и четырехугольник, стал основой сюжета его повести "Слепые", 1911), и участник острых дискуссий в среде художников, и многое, многое другое, о чем он рассказал в своих воспоминаниях "Годы странствий". Его юность окружена была романтическим ореолом: в 1901 студента медицинского факультета Московского университета Георгия Чулкова, агитировавшего "за революцию", арестовали и сослали в Сибирь. И еще несколько лет после освобождения (на самом деле побега в 1903) он находился под гласным надзором полиции. Несмотря на столь бурную жизнь, Чулков до революции 1917 года успевает выпустить шеститомное собрание сочинений, романы "Сатана", "Сережа Нестроев", "Метель", несколько книг рассказов, статей, очерков.

И на протяжении всего творческого пути, который длился без малого 40 лет, Чулков писал стихи. Он заявил о себе как о поэте уже в первой книге "Кремнистый путь" (М., 1904), которой в качестве эпиграфа были предпосланы строки стихотворения "Выхожу один я на дорогу". Помимо лермонтовских мотивов, во многих стихотворениях ощущалось влияние Тютчева. Однако поначалу дух благородных традиций литературы XIX века все же терялся в его поэзии среди модернистских стенаний, имеющих в первую очередь декадентскую родословную. В ранних стихах Чулкова отчетливо просматривалось и подражание кумирам поэзии Серебряного века - Блоку и Брюсову.

Книга вызвала в целом негативную реакцию. Правда, Брюсов, впоследствии литературный недруг Чулкова, отметил "изысканные звукоподражательные стихи", "желание увидеть то, чего другие не видят", но в целом оценил ее только как "попытки и опыты" [1]. Более доброжелательным был отзыв поэтессы Поликсены Соловьевой (Allegro), сестры философа Вл.Соловьева. Второй поэтической книгой Чулкова стал сборник "Весною на север" (1908). В нем была помещена знаменитая "Гагара", которую любил декламировать А.Блок. Свои лучшие стихи 1904-1909 годов поэт соединил в четвертом томе собрания сочинений (СПб., 1911).

[1] - Брюсов В. Среди стихов. М., 1990. С. 102.

Наибольшей удачей принято считать "Стихотворения Георгия Чулкова" (М., 1922). Эта книга явилась переломной в творчестве поэта, поскольку центральное место в ней занял цикл "Испытание", написанный в связи с горем, постигшим Георгия Ивановича и Надежду Григорьевну Чулковых: в 1920 от менингита умер их поздний, долгожданный, необычайно одаренный (он уже писал стихи) ребенок - сын Володя. С этого времени в поэзию Чулкова проникают религиозные мотивы, которые тесно переплетаются с раздумьями о России, ее судьбе, ее будущем. Тема России начинает звучать грозно, предостерегающе и всегда завершается трагическими аккордами. Но время погружения в "сумрак" (так назван один из разделов книги) становится и временем просветления, т.к. художнику открываются христианские ценности. Как писал он незадолго до кончины в письме-завещании: "Личная моя жизнь <...> была слепая. И до сего дня я влачу бремя моей слепоты и греха. Но видит Бог, я был "алчущим и жаждущим правды" <...>". После потери сына ему открылась "Истина, что две тысячи лет назад была воплощена до конца и явлена была человечеству в своей единственности и абсолютности" [2]. С этого времени он начинает дышать воздухом "тайной свободы" и даже находит в себе силы быть бодрым и жизнерадостным. И всех, знающих о его горе и преследующей тяжелой болезни легких, которая делала невозможным почти каждый вздох, поражало, что, несмотря на все муки, поэт готов был восклицать: "Осанна! Осанна!". Такое "прятие мира" проистекало из его понимания православия как "веселой" религии. Ведь он и Достоевского считал "веселым" писателем, поскольку тот "все ужасы и кошмары человеческой жизни" описывал с точки зрения "святынь", оправдывающих все пути, т.е. находил выход из всех мучений" [3].